Сергей АКОПОВ

Политика и транскультура в политико-философском творчестве Михаила Эпштейна

Введение. Многие исследователи констатируют «кризис идентичности» в современной России. Предлагаемое интервью о «политике и транскультуре» с философом М.Н. Эпштейном ставит своей целью если не преодоление этого кризиса, то по крайней мере поиск путей его разрешения.

Михаил Наумович Эпштейн родился в 1950 г. в Москве, закончил филологический факультет МГУ. В 1980-е годы Эпштейн выступил основателем нескольких междисциплинарных объединений московской интеллигенции: «Клуб эссеистов», «Образ и мысль» и «Лаборатория современной культуры». С 1990-х гг. он живет и работает в США в качестве профессора теории культуры и русской литературы университета Эмори в городе Атланта (Emory University, Atlanta, Georgia). В 1999 г. Эпштейн получил премию Liberty за вклад в развитие культурных связей между Россией и США.

К области социальной коммуникации принадлежит еще не переведенная на русский язык книга Эпштейна «Транскультурные эксперименты: российская и американская модели творческой коммуникации» [1]. В эту же проблематику вписывается и его англоязычная работа «Релятивистские модели тоталитарного мышления: исследование языка советской идеологии», а также статьи по логико-лингвистическому анализу языка советской идеологии [2]. К социальной антропологии можно отнести работы, посвященные проблемам мультикультурализма в глобализующемся мире, например «Культурология после мультикультурализма: от культурологии к транскультуре». К области изучения идей принадлежат работы по советской идеологии, тексты М.Н. Эпштейна, посвященные анализу основных направлений российской философии 1960-80-х гг.

Отличие методологии данной статьи заключаются в том, что она опирается, с одной стороны, на письменные тексты М.Н. Эпштейна (в том числе англоязычные), с другой – на интервью, данное им автору этой статьи в Санкт-Петербурге в 2011 г. Статья строится таким образом, чтобы собрать вместе семь важных тем социально-политического творчества Эпштейна. Вот эти основные темы в порядке их раскрытия:

– Транскультура и критика тоталитарной культуры в СССР.

– Критическая универсальность как согласие на мирное разногласие.

– Транскультура большинства и критика мультикультурализма меньшинств.

– Тема «странничества для себя» и тоски по «мировой культуре».

– «Амероссия».

– Философия регионализма и «многороссийского человечества».

– Против неомарксистского понимания интеллектуала.

Каждая из семи тем открывается отрывком из интервью Эпштейна (публикуемого впервые) и далее развивается анализом его работ.

Сергей АКОПОВ – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Северо-Западного института РАНХиГС

ТРАНСКУЛЬТУРА И КРИТИКА ТОТАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В СССР

– Михаил Наумович, можно ли сказать, что именно Вы ввели термин «транскультура»?

– Видимо, да. Многое, что легло в основу концепции транскультуры, формировалось в советскую эпоху, в 1980-е годы. И, как мне представляется, должно вернуться на территорию, где эта теория возникла, то есть найти выражение по-русски, хотя самый полный объем этой теории изложен в английской книге Transcultural experiments, в которой есть мои главы.

Понятие транскультуры возникло у меня из двух источников: культурологии и концептуализма… Транскультуральный сдвиг был предопределен развитием культурологии в 1960-70-е годы под воздействием, конечно, М. Бахтина, А. Лосева, Ю. Лотмана, С. Аверинцева. Культурология в СССР была своего рода терапией, работавшей против оккупации всей области культуры одной ее частью – политикой или политической идеологией. Задача культурологии состояла в том, чтобы перевернуть соотношение культуры и политики. Культура не подчиняется политике, а политика является одной из составляющих

культуры. И поэтому культурологическое мышление может преодолеть узкие рамки политического централизма и перенести нас, советских людей, в пространство других культур, эпох, народов, культурности как таковой. Это был метод расширительного самосознания, т. е. «извлечения самих себя за волосы» из «болота» своей тоталитарной культуры.

…Задача состояла в том, чтобы перехватить инициативу у государственных строителей культуры и тоже строить культуру, но по ее собственным законам, а не по законам политики, которая представляет одну из ее частей. Соответственно, транскультура – это самосознание и самоорганизация культуры в целом, а не в качестве орудия политического или идеологического господства. Транскультура была попыткой вернуть культуре то право на целостное самоуправление, которого пыталась лишить ее политическая или любая другая – научная, моралистическая или религиозно-фундаменталистская идеология.

Комментарий автора. В книге «Транскультурные эксперименты: российская и американская модели творческой коммуникации» автор подробно пишет об истоках своего понимания транскультуры. В частности, Эпштейн отмечает, что «транскультура» близка пониманию культурологии у американского антрополога Лесли Уайта, считавшего культуру шире концепции «общества», а именно что культура не сводится к социальным интеракциям или политическим контекстам: не культура является функцией социума, а наоборот [1, p. 26]. Концепция транскультуры Эпштейна также складывалась под влиянием работ М. Бахтина и В. Шкловского. У Бахтина Эпштейну близки, в частности, идеи «вненаходимости», а также культуры как органической целостности, способной к самотрансценденции. У Шкловского близкой к транскультуре оказывается мысль о том, что искусство должно стать способом «остранения». Понятие «остранение» Шкловский противопоставляет автоматизации, в результате которой человек привыкает к окружающим вещам настолько, что перестает видеть их уникальную природу [1, p. 23].

Эпштейн подчеркивает, что концепция транскультуры возникла у него в оппозиции к существующей тоталитарной культуре в СССР. Транскультурный проект зародился в обществе с высочайшим уровнем общественного детерминизма. «Поскольку советское общество так настойчиво и насильственно гомогенизировалось, никакая социальная группа не имела возможности бросить ему вызов... Транскультурный проект с момента своего зарождения в 1982 году был направлен на то, чтобы активизировать свойственный человеческой личности транссоциальный потенциал, а не оппозиционные или революционные элементы, свойственные определенным социальным группам» [3, с. 91]. «В то время как советское общество разделено на классы и партии, каждая из которых борется за власть и господство, культура имеет потенциал для объединения людей ради преодоления (to transcend) социальных, национальных и исторических барьеров» [1, p. 23], – подчеркивает Эпштейн в англоязычном издании.

КРИТИЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК СОГЛАСИЕ НА МИРНОЕ РАЗНОГЛАСИЕ

– Вы планируете возвращаться к теме «транскультуры» в последующих работах, ведь последняя книжка на эту тему написана в 1999 году?

– Я так или иначе к ней время от времени возвращаюсь. Позднее у меня вышла статья про «критическую универсальность», как раз по той же теме. Вообще понятие универсального меня очень занимает, я даже такую науку предложил – «универсика», которая отличается и от метафизики, и от любых эмпирических дисциплин. Это такой философский коррелят транскультуры, поскольку она занимается не всеобщим, а универсальным. Я отличаю «всеобщее» от «универсального».

– Очень интересно. Это сильно перекликается с философией Всеединства и с «Непостижимым» С.Л. Франка.

– Универсика работает с универсальным в отличие от всеобщего, с которым работает философия. Универсальное – это не то, что является общим для многих единичностей, это многосторонность, многогранность самой единичности, ее способность вбирать в себя инаковое, приобретать свойства и сознания других единичностей… Что касается всеединства, то есть полемически ему противопоставленное понятие всеразличия… Всеединство – это форма всеобщего, а всеразличие полагает множество совершенно самостоятельных индивидов, каждый из которых может, оставаясь собой, искать и достигать универсальности, т. е. вмещать в себя других индивидов. Транскультура – это и есть культура, вмещающая в себя опыт и прозрения других культур. Если культура освобождает человека от физических зависимостей и детерминаций природы, то транскультура – это следующий порядок освобождения, на этот раз от безотчетных символических зависимостей, предрасположений и предрассудков «родной культуры».

Комментарий автора. Идеи универсики и критической универсальности М.Н. Эпштейн последовательно отстаивает в статье «Универсика: на пути к критической универсальности». Начинает Эпштейн с критики самой критики универсальности, беря в качестве примера постмодернистский релятивизм Ж.-Ф. Лиотара и его книгу «Постмодерный уклад. Отчет о знании» (1979). В частности, Эпштейн отвергает мысль Лиота-

ра, что вера в «человечество как коллективный (универсальный) субъект» уже разрушена и что любой консенсус может быть только местным, частичным. Эпштейн также критикует идею французского мыслителя о несоизмеримости (фр. incommensurabilite) между собой языков различных дискурсов и ценностей разных культур. «Теперь, – высказывается Эпштейн, – после падения берлинской, а отчасти и «китайской» стены, в условиях растущей глобализации мы видим, сколь утопична эта идея местных консенсусов, которые мирно замкнуты в себе и не переходят границ друг друга. Такая взаимная неприкасаемость консенсусов возможна была только на ранних этапах истории. Если же в современном мире взаимодействие неизбежно, то нужно иметь по крайней мере соглашение о самих способах разногласия. ...Если же одни местные консенсусы согласны находиться в разногласии с другими, а другие не согласны, тогда жди войны или террора» [4].

Позиция Эпштейна заключается в том, что власти можно противостоять только там, где признаются вневластные, универсальные ценности. Автор полагает, что «если из классового, расового и партийного беснования тотальных систем сегодня следует вывести какие-то исторические уроки, то это не отрицание универсализма, а, напротив, необходимость его возрождения – на останках всех расовых, религиозно-националистических и прочих идеологий, которые ныне тяготеют к формам организации воинствующего исламского фундаментализма» [4]. Иначе говоря, философия может быть по-настоящему критической, только если она отказывается отождествлять себя с каким-то частным порядком или интересом, если она проникнута духом критической универсальности.

Согласно определению Эпштейна, универсальность происходит от лат. «unus» – один и «versus» –вращать/ся, то есть буквально означает «вокруг одного», «единовращение» [4]. Однако постмодерная критика универсальности, по мнению Эпштейна, не должна пройти даром. Этой идее предстоит вобрать в себя именно критическое измерение. Критическая универсальность – это прежде всего кроткая, критичная к месту и времени своих притязаний на истину. Универсальность той или иной культуры, того или иного консенсуса проявляется прежде всего в их способности занять критическую дистанцию по отношению к себе, вобрать ценности других консенсусов и культур, а главное – ценность согласия на разногласия. «Такая универсальность, – подчеркивает философ, – заново восстанавливает ценностные критерии в подходе к разным культурам, которые были отвергнуты плюрализмом всеприятия и равнодушия (потому что равное приятие всех культур означает фактически полное безразличие к их собственным ценностям)» [4].

Сейчас, пишет Эпштейн, самое время понять, что универсальность уже не сводится к тождественности разумов, но оно не сводится и к их различию, а представляет следующий этап: построение новых, трансрациональных и транскультурных общностей на основе самокритики разумов и культур, осознания ограниченности каждой из них [5, 6, 7]. Универсальное существует именно потому, что нет универсальных культур или универсальных этносов. Универсальное – это способ трансгрессии каждой культуры, каждой социально-исторической или психофизической общности. Причем наивысшей ценностью, в контексте универсализма, является самотрансгрессия, осознание ограниченности данной культуры, исходящее от нее самой. Именно совокупность этих трансгрессий, выходящих за предел наличных культур, и образует пространство транскультуры. Универсальное в таком критическом измерении, резюмирует Эпштейн, это пространство взаимных уступок и недочетов, а не торжество всеобъемлющей правильности. Критическая универсальность в отличие от ее догматических версий («европоцентризм», «рационализм») не имеет заранее установленной системы ценностей, скорее, она образуется той критической дистанцией, которую мы занимаем по отношению ко всем существующим культурам, включая свою собственную [4].

Литература

1. *Epstein M.* Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York, 1999(b).
2. *Epstein M.* Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper, # 243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991.
3. *Эпштейн М.Н.* Транскультура и трансценденция / Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб.: ГУКИ 2007. С. 90-102.
4. *Эпштейн М.Н.* Универсика: на пути к критической универсальности / Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 635-651. URL: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/mt_universal.html (дата обращения 02.09.2012).
5. *Эпштейн М.Н.* Размышления после Всемирного философского конгресса. Русский Журнал. 9.12.1998, URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-12-09/epstin.htm (дата обращения 02.09.2012).
6. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001(б).
7. *Epstein M.* Cultural Theory after Multiculturalism: From Culturology to Transculture. Australian Slavonic and East European Studies, Vol. 13, No.2, 1999(a). P.31-54.

Окончание в «ГС» № 1 2013